

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ восемнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

16-го Ноября 1880 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1880 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 46.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губерна- торамъ.

(1-го ноября 1880 года, № 47).

Циркулярами, отъ 24-го ноября прошлаго года и 14 января сего года, за №№ 115 и 1, министерство внутреннихъ дѣлъ просило ваше превосходительство о точномъ выполнении существующихъ постановленій относительно сообщенія александровскому комитету о раненыхъ—о прибывшихъ во ввѣренную вамъ, милостивый государь, губернію раненныхъ нижнихъ чинахъ, для распоряженія о назначеніи имъ пенсіи изъ инвалиднаго капитала, а равно о разъясненіи раненымъ нижнимъ чинамъ, не могущимъ снискивать себѣ пропитанія трудомъ и не имѣющимъ ни собственныхъ средствъ къ жизни, ни родственниковъ, желающихъ принять ихъ на свое иждивеніе,—порядка испрошенія 3 руб. въ мѣсяць отъ казны пособія на содержаніе.

Несмотря на это, многіе изъ раненныхъ нижнихъ чиновъ не пользуются до настоящаго времени слѣдующими имъ пенсіею и пособіемъ единственно по незнанію порядка испрошенія оныхъ. Въ виду сего военный министръ проситъ министерство внутреннихъ дѣлъ принять какія либо мѣры къ тому, чтобы существующія правила относительно призрѣнія и пособій раненымъ и увѣчнымъ нижнимъ чинамъ сдѣлались болѣе извѣстными въ населеніи.

Принимая въ соображеніе, что по общественному и служебному положенію ближе къ населенію состоятъ волостные старшины, чины полиціи и члены воинскихъ и крестьянскихъ присутствій, и полагая, что указанная въ данномъ случаѣ цѣль можетъ быть достигнута только при содѣйствіи упомянутыхъ должностныхъ лицъ, имѣю честь покорнѣе просить ваше превосходительство поручить имъ разъяснять, при каждомъ удобномъ случаѣ, оставшимъ раненымъ нижнимъ чинамъ, имѣющимъ право на пособіе, но не получившимъ такового, куда имъ слѣдуетъ обращаться съ просьбами о назначеніи пособій, съ тѣмъ чтобы должностныя лица въ этомъ дѣлѣ оказывали раненымъ воинамъ всевозможное содѣйствіе. Независимо сего, для достиженія означенной цѣли, прошу ваше превосходительство, составивъ извлеченіе изъ установленныхъ правилъ по выдачѣ пособій раненымъ нижнимъ чинамъ и отпечатавъ надлежащее число

экземпляровъ этого извлеченія въ губернской типографіи, разослать его по городамъ и волостямъ для наклепки на видныхъ мѣстахъ въ помѣщеніяхъ земскихъ и городскихъ управъ, крестьянскихъ и воинскихъ присутствій, а также во всѣхъ полицейскихъ управленіяхъ и въ волостныхъ управленіяхъ.

Приэтомъ считаю обязанностію просить ваше превосходительство обратить вниманіе на настоящее дѣло и о принятыхъ вами мѣрахъ меня увѣдомить.

— № 2150. Отъ 8-го—19-го октября 1880 года.
О разрѣшеніи амфипольскому епископу Іакову производить въ Россіи сборъ пожертвованій на содержаніе открытой константинопольскимъ патріархомъ на островѣ Халки центральной семинаріи. Св. Правит. Синодъ слушалъ докладъ синодальной канцеляріи слѣд. содержания: Высочайше утвержденнымъ въ 10-й день мая сего года опредѣленіемъ Св. Синода, согласно ходатайству константинопольскаго вселенскаго патріарха, разрѣшено епископу амфипольскому Іакову прибыть въ Россію для сбора, въ теченіи одного года, пожертвованій на содержаніе открытой патріархомъ на островѣ Халки центральной семинаріи въ видахъ поднятія и распространенія духовно-нравственнаго образованія въ средѣ блага духовенства на востокѣ. На основаніи сего разрѣшенія епископъ Іаковъ, прибывъ нынѣ въ С.-Петербургъ, представилъ выданную ему отъ константинопольской вселенской патріархіи книгу, для записи имѣющихъ поступить пожертвованій. Приказали: 1) прибывшему нынѣ отъ константинопольскаго вселенскаго патріарха изъ Турціи въ Россію епископу амфипольскому Іакову для сбора съ Высочайшаго соизволенія въ предѣлахъ Имперіи пожертвованій на содержаніе открытой патріархомъ на островѣ Халки семинаріи выдать для свободнаго проживанія въ Россіи въ теченіи годичнаго срока надлежащій видъ, а въ представленной имъ книгѣ сдѣлать установленную для сборныхъ книгъ надпись и 2) во вниманіи къ важному значенію открытой константинопольскимъ вселенскимъ патріархомъ на островѣ Халки центральной семинаріи, для которой, согласно ходатайству патріарха и опредѣленію Св. Синода, Высочайше Его Императорскаго Величества волею разрѣшенъ сборъ пожертвованій въ Россіи, предписать циркулярными указами чрезъ «Церковный Вѣстникъ» московской синодальной конторѣ, епархіальнымъ пресвященнымъ и глав-

нимъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ пригласить къ пожертвованіямъ на указанное духовно-образовательное учрежденіе какъ церкви, духовенство и прихожанъ, такъ въ особенности ставропигіальные и прочіе монастыри. Таковыя пожертвованія, по мѣрѣ поступленія оныхъ, подлежація духовныя начальства обязываются высылать въ Хозяйственное при Св. Синодѣ Управление для передачи этихъ пожертвованій по принадлежности.

— По поводу представленія одного изъ преосвященныхъ о неудобствахъ избранія членовъ консисторіи въ члены отъ духовенства въ семинарскія правленія. Св. Правит. Синодъ слушалъ журналъ Учебнаго Комитета, по поводу представленія одного изъ епархіальныхъ преосвященныхъ о неудобствахъ избранія членовъ консисторіи въ члены отъ духовенства въ семинарскія правленія. Приказали: Принимая во вниманіе значительныя занятія членовъ консисторіи по епархіальному управленію, возможность съ ихъ стороны стѣнать во мнѣніяхъ другихъ членовъ семинарскаго правленія отъ духовенства и въ виду устраненія консисторій отъ участія вообще въ дѣлахъ духовно-учебныхъ заведеній, а равно и примѣнительно къ указу Св. Синода отъ 23-го сентября 1875 г., № 41, о неизбраніи членовъ консисторіи въ депутаты епархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ съѣздовъ духовенства, Св. Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, находитъ неудобнымъ избраніе членовъ консисторіи въ члены отъ духовенства въ семинарскія и училищныя правленія, о чемъ и опредѣляетъ: для руководства на будущее время дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ, установленнымъ порядкомъ, чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

Мѣстныя Распоряженія.

— 3 ноября, утверждены въ должностяхъ благочиннаго по Бытенскому благочинію—священникъ Миловидской церкви *Андрей Желтовскій*.

— 8 ноября,—по Ивановскому благочинію—настоятель Осовецкой церкви, Кобринскаго уѣзда, *Константинъ Павловичъ*.

— 1 ноября, на вакантное мѣсто настоятеля Вѣлавичской церкви, Волковыскаго уѣзда, **перемѣненъ**, согласно прошенію, настоятель Замшанской церкви, Брестскаго уѣзда, *Иосифъ Янковскій*.

— 10 ноября, на вакантное мѣсто настоятеля Замшанской церкви, Брестскаго уѣзда, назначенъ священникъ *Петръ Дорошевскій*.

Мѣстныя Извѣстія.

— 2 ноября, **освящена** послѣ ремонта Молчадская церковь, Слонимскаго уѣзда.

— **Пожертвованія.** Въ Супрасльскую монастырскую церковь пожертвованы лицами, пожелавшими остаться неизвѣстными: напрестольное евангеліе въ 30 р., двѣ пары хоругвей—70 р., 4 иконы въ ризахъ въ 30 р., 4 священническихъ и 2 діаконскихъ облаченія изъ серебр. глаза съ золотымъ приборомъ въ 500 р.; 4 священническихъ и 2 діаконскихъ облаченія парчевыя съ мишурнымъ приборомъ въ 200 р., одно священнич. и одно діаконское облаченія изъ пеньковой матеріи съ мишурнымъ приборомъ въ 30 р., а всего на сумму 850 руб.

— Учитель Скидельскаго народнаго училища, Крышень, донесъ, 20 октября, Гродненской дирекціи народныхъ учи-

лицъ, что настоятелемъ Скидельской церкви и законоучителемъ училища, священникомъ Дмитріемъ Некрасовымъ, пожертвованы въ пользу училища 9 названій книгъ религіознаго содержанія, въ количествѣ 48-ми экзempl., на сумму 6 р. 50 к. и икона Божіей Матери, писанная на деревѣ.

— **Некрологъ.** 9 ноября, скончался настоятель Брестскаго крѣпостнаго военнаго собора, протоіерей *Константинъ Маковельскій*.

— Мировой судья 2-го участка, Волковыскаго округа, Гродненской губерніи, вызываетъ наследниковъ просфорни Ивашкевичской церкви Маріи Осиповой Прокоповичъ, умершей 30 ноября 1879 года, предъявить, по подсудности, права свои на оставшееся по ней имущество, въ срокъ, установленный 1241 ст. X т. 1 ч. св. зак. гражд.

— **Отъ Редакціи.** Редакція Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей проситъ своихъ подписчиковъ поспѣшить выслать денегъ за истекающей 1880 годъ.

— **Вакансіи. Протоіерея**—при Брестскомъ крѣпостномъ соборѣ. **Настоятеля:** въ г. *Поневъжъ*, въ с. *Замошь*—Дисненскаго уѣзда и въ с. *Изабелитъ*—Волковыскаго уѣзда. **Священника:** при *Ковенскомъ* соборѣ. **Помощника настоятеля:** въ м. *Каменецъ-Литовскъ*. **Псаломщиковъ:** при *Ковенскомъ* соборѣ.

Неофициальный Отдѣлъ.

— Рѣчь г. Спасовича въ защиту дѣла случайно приобрѣтшаго себя извѣстность крестьянина Малиновскаго произвела у насъ своего рода сенсацию; даже православные, которые отвыкли серьезно думать и доискиваться истинныхъ причинъ и оснований извѣстныхъ фактовъ и явленій, которые страдаютъ индифферентизмомъ и изъ за развившейся угодливости къ чужимъ мыслямъ, чувствамъ и стремленіямъ, ослабили въ себѣ вѣрный взглядъ на западно-русское, православное дѣло—тѣ чуть не рукоплескали г. Спасовичу и не безъ злорадства указывали духовенству на дѣло Малиновскаго. О латинянахъ мы не говоримъ—дѣло понятное! хотя болѣе благоразумные изъ нихъ высказываютъ сожалѣніе, что подобная рѣчь Спасовича способна возбудить съ новой силой умолкнувшій вопросъ, чего бы не желалось въ настоящее время. Духовенство не безъ негодованія прочло эту рѣчь „Софиста 19-го вѣка“, трактующаго о дѣлѣ съ предзанятой точки зрѣнія, о дѣлѣ, которое теперь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, всею своею тяжестью пало на рамена духовенства, поголовно обвиненнаго чуть не въ разбоѣ во время извѣстнаго движенія народнаго въ 1864—1867 годахъ въ пользу воссоединенія съ православною церковью, несущаго на своихъ плечахъ всю тяготу созданнаго по мѣстамъ этимъ дѣломъ новаго положенія и встрѣчавшаго и встрѣчающаго сильное, ловкое, подъ часъ неудовимое, но тѣмъ не менѣе ощущаемое противодѣйствіе со стороны ксендзовъ, а въ особенности ихъ разнородныхъ пособниковъ.

Теперь выяснилось, что подобное обвиненіе со стороны г. Спасовича понятно и естественно; но мы были не мало удивлены промахомъ г. Редактора „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ Поповичкаго, который, идя по проторенной г. Спасовичемъ дорожкѣ, въ передовой статьѣ, № 127, дошелъ до такихъ выводовъ объ извѣстномъ народномъ движеніи въ упомянутые годы въ западно-русскомъ краѣ и до такихъ оскорбительныхъ обвиненій духовенства, далѣе чего трудно идти, и что можно только слышать изъ устъ ярыхъ лати-

нянъ и поляковъ. О. Гомолицкій играетъ тутъ роль какъ бы случайнаго предлога—это своего рода козлище отпущеніи;—ударъ направляется на ту среду, къ которой принадлежитъ Гомолицкій и на русскихъ людей, дѣятельность которыхъ, обнимая всѣ сферы управленія краемъ,—не могла не придти въ соприкосновеніе и съ первостепенными вопросами церковно-религиозными. У Церк.-Общ. Вѣст. и духовенство и русскіе люди того времени поголовно обвиняются въ насильственномъ обращеніи латинянъ въ православіе. Пропливая слезы надъ мномогнетенными, Ц. О. В. забылъ о кровавыхъ жертвахъ изъ среды православнаго духовенства и народа, принесенныхъ во время мятежнаго времени; онъ не знаетъ, что тотъ же Гомолицкій 4 мѣсяца вель свитальческую жизнь внѣ дома, преслѣдуемый мятежниками, свившими въ Свислочи свое гнѣздо; что этотъ именно о. Гомолицкій не таковой ужасный человѣкъ, какъ ему кажется—стоитъ только прочесть „Двѣ силы“ Крестовскаго, гдѣ онъ выведенъ на сцѣну въ чертахъ свѣтлыхъ. Подобное обвиненіе и то неловкое положеніе отъ сторонняго объясненія указаннаго явленія, въ какомъ оказался Церковно-Общ. Вѣстникъ, д. б. вызвать надлежащую оцѣнку. И дѣйствительно въ 130 и 131 того же Церк.-Общ. Вѣстн. появилось нижепечатаемое письмо уважаемаго профессора М. О. Кояловича, который со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, честностью, безпристрастіемъ и вѣрнымъ взглядомъ на народное движеніе въ западномъ краѣ въ минувшіе 1863—1867 годы, выясняетъ это явленіе, какъ оно было, указывая на неправду въ рѣчи г. Спасовича и въ передовой статьи г. Поповицкаго, не щадя того, что сдѣлано въ эти годы подъ вліяніемъ вредной страстности, такъ обычной въ исторіи прошедшаго этого края, но и давая надлежащую цѣну и мѣсто всему доброму, дорогому сердцу каждаго сына Россіи и православной церкви, что такъ открыто обнаружилось въ тѣ годы, о чемъ такъ благоразумно умолчалъ г. Спасовичъ и что такъ скомкалъ съ грязью Ц.О.В. и этимъ ввелъ въ заблужденіе своихъ читателей. Какъ не ослабляется первое впечатлѣніе письма М. О. Кояловича отъ того, что оно читалось не за разъ, тѣмъ не менѣе оно освѣщаетъ надлежащимъ свѣтомъ то рѣдкое въ исторіи явленіе, по поводу котораго заговорила печать. Но г. Поповицкій съ юпитеровскимъ величіемъ отнесся къ автору письма—г. Кояловичу, и своими новыми статейками еще больше провела темную полосу на это дѣло, которое, по его словамъ, совершилось нѣкоторыми безнравственными людьми съ пугами розокъ и коллекціями нагаекъ.

Выходя изъ того положенія, что добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, г. Поповицкій ухватился обѣими руками за эту бѣгущую худую славу, которая, вслѣдствіе своей подвижности, нечужда сплѣтень, умысленной лжи, извращенія фактовъ. Онъ общаетъ эту худую славу и впредь поднимать на ходули; конечно, ничто не мѣшаетъ ему такъ дѣлать. Но во имя правды, мы просили бы его не забывать и лежащей доброй славы, поднимать и ставить ее на подобающій ей пьедесталъ. Если бы не увлеченіе краснорѣчіемъ защиты Малиновскаго, то, думается намъ, Церк.-Общ. Вѣстн. заговорилъ бы иначе о дѣлѣ, возбудившемъ толки; онъ, вѣроятно, указалъ бы на то, что въ 1863—1867 и далѣе годахъ было *повсемѣстное, во всѣхъ приходахъ* (по крайней мѣрѣ Литовской епархіи) стремленіе латинянъ къ православію; въ огромномъ числѣ приходоу латиняне присоединялись единицами, семействами и фамиліями, безъ всякаго сторонняго участія, единственно благодаря пастырскому *убѣжденію* духовенства, а иной разъ и помимо этого *убѣжденія*—*сами*

по своей охотѣ, такъ что во многихъ приходахъ уже не оказалось латинянъ крестьянъ и отсюда открылась возможность и даже необходимость закрыть нѣкоторые приходскіе костелы. Онъ вѣроятно указалъ бы на то, что только въ нѣкоторыхъ приходахъ—не больше 15-ти, были присоединенія массама, при чемъ только въ *нѣкоторыхъ* изъ этихъ приходоу было участіе административныхъ лицъ, участіе иной разъ страстное, а потому вредное, не одобряемое и духовенствомъ, на что есть факты,—участіе, сказать къ слову, отчасти и охранительное—недопускавшее и противо-дѣйствовавшее агитаціи, которая въ присоединеніи къ православію видѣла окончательное паденіе вліянія польщизны и ея затѣй, а потому проявлявшей свою жизненность, не смотря и на военное положеніе въ краѣ; онъ вѣроятно постарался бы указать на то, какъ даже въ нынѣшнемъ вѣкѣ, на глазахъ еще современниковъ, въ нашей епархіи церкви обращались въ костелы, священники изгонялись, цѣлые приходы безапелляціонно насильственно перечислялись въ латинскіе и такъ далѣе. Мы даже вправѣ были этого ожидать, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣли и читали на страницахъ Ц. О. В. блестящую полемику въ защиту православія и воссоединенія Холмскихъ униатовъ съ православною церковію противъ польско-католическихъ газетъ, разсѣевавшихъ тогда по Европѣ объ этомъ присоединеніи разнаго рода темные слухи, опровергать которые г. Поповицкій считалъ священнымъ своимъ долгомъ. Отчего же только къ намъ его такая не милость? Иль времена и люди не тѣ стали?..

Оканчивая эту замѣтку, мы повторяемъ просьбу М. О. Кояловича, обращенную къ духовенству, сообщать ему, *по чистой правдѣ*, все что извѣстно и что совершилось въ томъ или др. мѣстѣ во время присоединенія латинянъ въ 1864—8 г.

Письмо профессора М. О. Кояловича г. редактору „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, по поводу глумленія надъ русскимъ и православнымъ дѣломъ въ Западной Россіи.

По поводу передовой статьи въ 127 № «Церковно-Общественнаго Вѣстника».

М. Г. Нельзя достаточно жалѣть, что вы поторопились дать вашимъ читателямъ оцѣнку дѣла крестьянина Малиновскаго, который жалуется, что его подложно зачислили въ православіе и котораго дѣло недавно разбиралось въ сенатѣ. Въ этой статьѣ вы не приводите ни заключенія г. прокурора, котораго, очевидно, вы, какъ и я, не знаете, ни какихъ-либо новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ источниковъ. Вы руководствуетесь въ этомъ случаѣ единственнымъ источникомъ,—защитительною рѣчью присяжнаго повѣреннаго Спасовича. Нѣтъ, поэтому ничего удивительнаго, что, ступивъ на этотъ, какъ я надѣюсь доказать, весьма скользкій путь, вы дошли до такихъ обобщеній и крайнихъ выводовъ, которыя, я твердо увѣренъ, вы сейчасъ же сочтете себя обязаннымъ взять назадъ во имя правды и достоинства вашего изданія.

Судебнымъ порядкомъ обнаружилось одно изъ обычныхъ, къ сожалѣнію, явленій на нашей западной окраинѣ. При томъ сильномъ смѣшеніи вѣроисповѣданій, какое тамъ есть, и при той страстности во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ главныхъ вѣроисповѣданій этой страны—православнаго и латинскаго, какая тамъ развита исторіей и современными ошибками обѣихъ сторонъ, въ западной Россіи то и дѣло обнаруживается, что то латиняне перетягиваютъ къ себѣ

православныхъ и употребляютъ для этого незаконныя средства, то православные обращаютъ въ свою вѣру латинянъ подобными же способами, и главное, почти въ каждомъ подобномъ случаѣ обнаруживается неустанная, страстная борьба между послѣдователями обоихъ вѣроисповѣданій. Множество дѣлъ этого рода разбирается и рѣшается на мѣстѣ и, къ сожалѣнію, не доходитъ до свѣдѣнія русскаго общества. Но дѣлу Малиновскаго выпала иная доля. Бѣдный, неграмотный крестьянинъ нашель возможность не только добраться до Петербурга, но и нашель себѣ «краснорѣчиваго», какъ вы сами говорите, защитника въ лицѣ г. Спасовича. Безъ сомнѣнія, тутъ—великое счастье для Малиновскаго и, по всей вѣроятности, великая честь его настойчивости; но что касается счастья и чести «краснорѣчиваго» защитника этого бѣднаго, несчастнаго крестьянина, г. Спасовича, то я не считаю себя въ правѣ высказывать мое личное мнѣніе. Пусть лучше объ этомъ говорятъ дѣла г. Спасовича.

Всякій опытный защитникъ, при первомъ прикосновеніи къ дѣлу Малиновскаго, сейчасъ же замѣтилъ-бы вышеуказанную параллель и особенно тотъ связывающій ее паразитическій узелъ, которымъ называется историческая, страстная борьба двухъ вѣроисповѣданій, жертвой которой выступаетъ передъ нами въ настоящемъ случаѣ несчастный крестьянинъ Малиновскій. Г. Спасовичъ, обладающій, какъ извѣстно, не только опытностію присяжнаго повѣреннаго, но и знаніемъ западно-русской жизни, поступаетъ однако иначе. Онъ беретъ одну только нить этого дѣла и тянетъ ее съ энергіей, которой могъ бы позавидовать самый неутомимый фанатикъ латинства. Да какъ еще тянетъ! Онъ становится на точку зрѣнія нашего новаго судопроизводства и ярко освѣщаетъ несовершенства слѣдствія по дѣлу Малиновскаго и несовершенства документовъ по дѣлу обращенія въ православіе этого крестьянина. Но всякому извѣстно, что въ западной Россіи тогда были только слабыя зачатки новаго суда и что самые честные люди старыхъ судовъ не могли избѣгнуть разнаго рода неточностей, неправильностей. Но мало того. Тогда было въ западной Россіи еще военное положеніе въ удвоенной, если можно сказать силѣ, и опять самые честные люди въ самомъ законномъ дѣлѣ должны были допускать и терпѣть многія формальныя неправильности дѣлопроизводства. Все это у опытнаго, хорошо знающаго западную Россію, присяжнаго повѣреннаго г. Спасовича оставлено въ тѣни или совершенномъ мракѣ, а выступаетъ въ яркомъ, электрическомъ освѣщеніи одно беззаконіе и беззаконіе, и притомъ однихъ православныхъ, однихъ русскіхъ людей. Латинство, латиняне являются или явно предполагаются такими же невинными, несчастными жертвами, какъ крестьянинъ Малиновскій. Крестьянинъ Малиновскій оказывается даже какимъ-то отверженникомъ для латинянъ. Они его не пускаютъ въ костель. Они отъ него отшатнулись. Онъ—одинокъ, на распутіи между православіемъ, котораго онъ не хочетъ принимать, и между латинствомъ, которое само отъ него отворачивается. Одинъ г. Спасовичъ смилостивился надъ этимъ бѣднымъ изгоемъ нашихъ временъ! Однажды только г. Спасовичъ дотронулся и до другой нити этого дѣла,—нити латинства, не знаешь съ какою цѣлью,—чтобы показать свое безпристрастіе, или чтобы лучше очертить личность главнаго виновника бѣдствія крестьянина Малиновскаго, священника Гомолицкаго.

Онъ приводитъ изъ показаній этого священника ссылку на интриги латинянъ. Когда я прочиталъ это мѣсто рѣчи г. Спасовича, то остановился въ великомъ недоумѣніи: такъ ли дѣйствительно священникъ Гомолицкій недалеко и несвѣ-

дущъ, что ограничился въ своихъ показаніяхъ однимъ общимъ мѣстомъ касательно интригъ латинства, или въ его показаніи есть разныя подробности, не взятая изъ дѣла г. Спасовичемъ? Предполагая даже первое, я опять недоумѣвалъ: неужели г. Спасовичу, даже помимо судебного дѣла Малиновскаго, неизвѣстны эти подробности? Неужели онъ ничего не знаетъ о дѣлахъ этого рода ксендзовъ, пановъ, костельныхъ братчиковъ, латинскихъ нищихъ? Возможно ли это думать? Конечно, защитнику, какъ и суду, естественно ограничиваться только данными, обнаруживающимися на судѣ; еще естественнѣе и, говорятъ, даже считается правиломъ для защитниковъ, не обнаруживать неблагоприятныхъ для кліента обстоятельствъ; но я полагаю, что *присяжный* повѣренный никогда не позволитъ себѣ переносить такую односторонность въ область общихъ своихъ сужденій о направленіи общества, среди котораго жилъ и обозначился его кліентъ, и что въ виду этой, по его мнѣнію, неизбѣжной односторонности, онъ сочтетъ себя обязаннымъ быть сдержаннѣе въ сужденіяхъ о тѣхъ людяхъ, которые были виновниками несчастія его кліента. Присяжный повѣренный г. Спасовичъ, очевидно, иначе смотритъ на свои обязанности. Зная, безъ всякаго сомнѣнія, что въ дѣлахъ однородныхъ съ дѣломъ крестьянина Малиновскаго не безъ грѣха и, можетъ быть, не безъ большого грѣха латиняне поляки, онъ не считаетъ себя обязаннымъ сдерживаться въ своихъ сужденіяхъ о дѣлахъ православныхъ людей.

Я считаю дѣломъ недостойнымъ моего пера защищать отъ наветовъ г. Спасовича такихъ людей, какъ гр. Муравьевъ, ген. Кауфманъ и лучшіе его сотрудники, и такія вещи, какъ высокій народный подъемъ западной Россіи во времена послѣдней польской смуты. Объ этомъ я поговорю ниже съ вами, г. редакторъ, а теперь лишь покажу образецъ дѣйствительной убѣдительности краснорѣчія присяжнаго повѣреннаго г. Спасовича,—разберу главный пунктъ въ дѣлѣ защиты г. Спасовичемъ крестьянина Малиновскаго.

Существуетъ подписка на православіе этого самаго крестьянина Малиновскаго, и г. Спасовичу нужно было доказать, что эта росписка подложна. Крестьянинъ Малиновскій неграмотенъ, и г. Спасовичъ съ опытностію стараго юриста вливается въ людей, принимавшихъ участіе въ составленіи этой росписки. Начинаетъ онъ эту операцію съ обобщенія. Онъ перебираетъ показанія прикосновенныхъ лицъ, что они не помнятъ, какъ писали и подписывали этого рода дѣла, или даже помнятъ, что писали и подписывали ихъ не по просьбѣ обращавшихся въ православіе, а по приказу начальниковъ. Съ зоркостію, свойственною опытному юристу, онъ обращаетъ вниманіе на то, что одно и то же лицо два и три раза подписывается на одной и той же роспискѣ и что на роспискахъ этого рода нѣтъ надлежащаго полицейскаго удостовѣренія, что онѣ дѣйствительно даны тѣми лицами, отъ имени которыхъ написаны и подписаны. Г. Спасовичъ взглядывается даже въ крестики, замѣняющіе неграмотныхъ крестьянъ, и въ нихъ находитъ странности. Все это приводитъ г. Спасовича къ заключенію, что подписки этого рода не могутъ имѣть никакого юридическаго значенія и что такова и подписка на православіе неграмотнаго крестьянина Малиновскаго. Наконецъ г. Спасовичъ взглядывается въ самую росписку крестьянина Малиновскаго, и находитъ въ ней самой побѣдоносное оружіе противъ ея подлинности. Обращеніе въ православіе латинянъ мѣстности Малиновскаго происходило весной 1866 г. и со всѣхъ ихъ бралось выраженное въ подпискахъ обязательство исповѣдываться и приобщаться въ

православной церкви къ 15 мая. Малиновскаго въ это время не было въ этой мѣстности (Свислочи). Онъ ѣздилъ съ какимъ-то докторомъ въ г. Гродну. Чтожъ? росписка отъ его имени дана въ его отсутствіе, помѣчена апрѣлемъ или маемъ? Нѣтъ! росписка помѣчена августомъ, когда Малиновскій возвратился изъ Гродны и былъ на мѣстѣ. Гдѣ же оружіе противъ ея подлинности? А вотъ гдѣ: въ роспискѣ Малиновскаго, какъ и въ роспискахъ обращавшихся въ православіе весной того года, стоитъ обязательство—исповѣдаться и приобщаться до 15 мая, т. е. обязательство сдѣлать дѣло заднимъ числомъ, сдѣлать его въ давно уже прошедшее время! Вотъ гдѣ побѣдоносное оружіе противъ подлинности этой росписки! Но такъ ли въ дѣйствительности? Г. Спасовичу, какъ уроженцу западной Россіи и тѣмъ болѣе какъ сыну польки, о чемъ онъ самъ говорилъ не разъ, должно быть очень хорошо извѣстно, что у латинянъ западной Россіи существуетъ обычай не ограничивать пасхальной исповѣди временемъ великаго поста, а продолжать это время во всю пятидесятницу, до Троицына дня. Православные, принимавшіе участіе въ дѣлѣ обращенія въ православіе латинянъ свислочской мѣстности, знали этотъ обычай, дозволяли обращавшимся слѣдовать ему, и потому назначили срокъ исполненія этой обязанности до Троицына дня. Тоже самое снисхожденіе могло быть оказано и даже увеличено и крестьянину Малиновскому, и тѣмъ естественнѣе, что это давало ему возможность не выступать съ своимъ православіемъ одному на глаза латинскихъ фанатиковъ, т. е. ему могло быть предоставлено право, какъ и другимъ, исполнить христіанскую обязанность въ обычное время будущей пасхальной исповѣди. Когда придется послѣдній срокъ этой исповѣди въ слѣдующемъ году, объ этомъ не справились въ августѣ 1868 г., и, можетъ быть, не легко могли справиться. Вотъ и выходитъ 15 мая помимо всякаго злаго умысла. Такъ ли было дѣло или росписка дѣйствительно подложна, мы ничего не говоримъ; но защитнику, столь опытному и столь свѣдущему, не слѣдовало закрывать передъ судомъ, что такое объясненіе этого мѣста росписки возможно,—не слѣдовало тѣмъ болѣе, что въ самой рѣчи г. Спасовича, есть основаніе думать, что онъ дѣйствительно знаетъ этотъ своеобразный латинскій обычай касательно времени пасхальной исповѣди. Онъ самъ говоритъ, что всѣмъ обращавшимся въ православіе назначался послѣдній срокъ исповѣди—Троицынъ день.

Я не знаю, насколько наши убѣдительною эту часть рѣчи г. Спасовича опытные наши судьи—гг. сенаторы; не знаю также, какое юридическое достоинство нашли или найдутъ въ ней товарищи г. Спасовича—члены корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ петербургскаго судебного округа, но твердо убѣжденъ, что за такую неправильную постановку вопроса о подлинности росписки крестьянина Малиновскаго г. Спасовичъ долженъ нести тяжкую отвѣтственность передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

На этомъ я кончу мою рѣчь о г. Спасовичѣ. Позвольте мнѣ теперь повести ее съ вами, г. редакторъ «Церковно-Общественнаго Вѣстника».

Подобно г. Спасовичу, вы обобщаете несчастное дѣло крестьянина Малиновскаго съ другими дѣлами этого рода. Вы говорите, что «конечно не одинъ Гомолицкій держится системы навязывать вѣру насиліемъ, истязаніями и обманомъ»; что система эта была въ прямомъ соотвѣтствіи и непосредственной связи съ тѣмъ общимъ характеромъ дѣйствій, которыми отличалась дѣятельность *всѣхъ* вообще обрусителей западнаго края. Объ этихъ обрусителяхъ вы отзываетесь

еще рѣзче, чѣмъ г. Спасовичъ. Ихъ вы называете бездарными и безнравственными людьми, не только не имѣвшими возможности составить себѣ болѣе или менѣе порядочное положеніе въ мѣстахъ своей прежней дѣятельности, но ни къ чему негодными и для дѣла совершенно безнадежными. Эти, по вашему мнѣнію, подонки русскаго общества, какъ науки, раскинули свою сѣть по всему краю, и надѣлали столько зла, что я отказываюсь повторять сообщаемыя вами по этому случаю подробности и отсылаю читателей къ вашей статьѣ. Замѣчу лишь, что вы сами признали нужнымъ указать на слабыя изытія изъ этой мрачной среды. Вы вскользь употребили слово—«преимущественно»,—когда говорите, какіе дурные люди наѣзжали въ западный край. Затѣмъ вы говорите о бѣгствѣ обратно изъ края «лучшихъ русскихъ людей, прибывшихъ туда съ честнымъ намѣреніемъ послужить отечеству», и не обозначившихся (у васъ) никакими хорошими дѣлами. Наконецъ, вы смѣло произносите приговоръ о настоящемъ положеніи дѣла въ западномъ краѣ и самоувѣренно хвалите это положеніе. Вы именно говорите, что «потребовались большія усилія, чтобы вновь упорядочить тамъ ходъ дѣла и возвратить мѣстныя населенія въ то нормальное положеніе (вашими бы устами медъ пить!), въ какомъ мы находимъ ихъ въ наше время».

Прежде, чѣмъ я выскажу мой взглядъ на всѣ дѣла, позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе, которое я дѣлаю неохотно, котораго до сихъ поръ никогда не дѣлалъ и по всей вѣроятности никогда не сдѣлаю, а вынужденъ на это теперь только крайнею важностію настоящаго случая.

То, что я скажу ниже, должно быть *авторитетомъ* и для васъ, м. г., и для читателей, и вотъ почему. Я—давній (почти четверть столѣтія) наблюдатель русско-польскихъ дѣлъ, особенно религіозныхъ. Въ послѣднюю польскую смуту я былъ ближайшимъ наблюдателемъ этихъ дѣлъ, зналъ столько русскихъ людей, служащихъ и особенно служившихъ тамъ, какъ вѣроятно рѣдко это зналъ ихъ изъ другихъ постороннихъ людей, и однако, какъ теперь, такъ и тогда я стоялъ внѣ предѣловъ западной Россіи и не связанъ съ нею никакими личными интересами практическаго свойства. Наконецъ, по дѣламъ этой страны, какъ и вообще въ моей дѣятельности, я стоялъ всегда открыто и всегда писалъ и пишу не иначе какъ съ подписью моего имени. Послѣ этого вынужденнаго вашей статьѣ отступленія, за которое я даю полное право осуждать меня, кому какъ угодно, позвольте приступить къ дѣлу.

Я думаю, даже завѣдомыя полонофильскія газеты не станутъ настойчиво отнимать у меня первенства въ дѣлѣ обличенія русскихъ неправдъ въ западной Россіи. Я прошу васъ и всѣхъ любознательныхъ найти и прочитать мою статью подъ заглавіемъ—«Русскіе орлы». Но я никогда не закрывалъ и не могъ закрывать глазъ, чтобы видѣть дѣла хорошія, дѣла лучшихъ людей, дававшія дѣйствительное направленіе, жестоко испорченное впоследствии,—т. е. въ тѣ самыя времена, которыя вы хвалите. Позвольте указать на одну, почти общую особенность этихъ русскихъ людей временъ графа Муравьева и генерала Кауфмана. Всѣ они, по мѣрѣ силъ, старались браться за дѣла сознательно, и, всѣ отъ главныхъ начальниковъ и до мелкихъ чиновниковъ, отправляясь въ западную Россію, старались изучить ее, приобрѣтали и читали нужныя для этого, книги, часто обращались и къ вашему покорному слугѣ за справками. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ отношеніи къ дѣлу, оно сразу поставлено было вѣрно и прочно. Первѣйшая

задача системы графа Муравьева имѣть хорошей русской составъ служащихъ удалось блистательно. Другая его задача — чтобы эти русскіе служащіе были едино съ народомъ — удалось также блистательно и стала быстро приносить богатые плоды. Устройство крестьянскаго дѣла, улучшение положенія и значенія православнаго духовенства подняли высоко русское имя, русскую, православную силу, а паны и ксендзы, опозоренные измѣной и смутой, страшно пали въ глазахъ даже народа латинской вѣры.

Необыкновенный умъ и несокрушимая твердость графа Муравьева давали прочность этому направленію въ глазахъ всѣхъ. Забитые бѣлорусскіе крестьяне смѣло, бодро шли по своимъ дѣламъ къ графу Муравьеву, передъ которымъ такъ трепетали паны и ксендзы. Такого успѣха не достигалъ въ западной Россіи никто до того времени. Но этому успѣху недоставало сердечнаго, чисто нравственнаго одушевленія. Этотъ недостатокъ восполнилъ генералъ Кауфманъ, человекъ высокаго нравственнаго развитія и глубокой сердечности. Быстрое, необыкновенное развитіе народнаго школьнаго дѣла, изданіе книгъ, научныя изысканія, даже по дѣламъ чисто административнымъ, какъ напримѣръ, по вопросу о батракахъ, были естественнымъ послѣдствіемъ этихъ новыхъ особенностей одной и той же системы управления. Чтобы не распространяться о необыкновенной нравственной высотѣ и вліяніи этой системы, я расскажу вамъ одинъ случай. Лѣтомъ 1865 года, во время объѣздовъ по краю генерала Кауфмана, въ одной мѣстности происходило въ его присутствіи народное торжество по случаю освященія храма и открытія народнаго училища. Народу собралось много и для него приготовлено было угощеніе. Генералъ Кауфманъ вышелъ къ народу и, взявъ чарку, провозгласилъ: «пью за русскій народъ западнаго края!» Когда я узналъ объ этомъ, то говорилъ всѣмъ, кому могъ, что нужно эти слова написать золотыми буквами на какомъ-либо новомъ памятникѣ западно-русскомъ. Никто изъ правителей до того времени и никто послѣ того не дѣлалъ такого признанія въ этой странѣ правъ русскаго народа. Дѣйствіе этого признанія разлилось по всей странѣ. Быть русскимъ, особенно православнымъ, стало въ глазахъ народа великою честью. Это значило быть едино съ царемъ и вѣрными его слугами. Въ народѣ стала совершаться, повидимому, невѣроятная перемѣна. Крестьяне латинской вѣры, всегда изъ-за этой вѣры считавшіе себя поляками, стали называть себя русскими латинскаго закона, и тѣ изъ среды ихъ, которые обладали цѣльностью и рѣшительностью характера, стали признавать неестественнымъ, неудовлетворительнымъ такое свое положеніе, и устремились въ православіе. Вотъ гдѣ исходный пунктъ, основное начало того движенія, которое обнаружилось въ трехъ губерніяхъ и выразилось въ обращеніи къ православію латинянъ цѣлыми массами, — обращеніи, которое такъ позорилъ въ сенатѣ г. Спасовичъ, введшій и васъ, м. г., въ заблужденіе.

Въ томъ же 1866 г. вскорѣ послѣ того, когда развернулось это движеніе, т. е. лѣтомъ того года, я былъ въ западной Россіи около трехъ мѣсяцевъ, жилъ не мало въ Вильнѣ, ѣздилъ и въ Минскую и Гродненскую губерніи, видѣлъ многихъ людей и слышалъ многое. Однажды въ Вильнѣ я очутился въ кружкѣ людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ обращеніи латинянъ одной мѣстности и въ числѣ ихъ видѣлъ главнѣйшаго дѣятеля, больше всѣхъ поплатившагося за это обращеніе. Я тогда, едва-ли не первый изъ русскихъ людей, говорившихъ не съ чужаго голоса, обратился къ этимъ дѣятелямъ съ безцеремонными запросами

касательно этого обращенія. Я живо помню смущенныя лица однихъ и прямой, открытый взглядъ другихъ. Я прямо имъ говорилъ, что не могу допустить мысли, чтобы народъ мучили, что это — все та же наша родная кровь, что намъ русскимъ никогда и ни въ чемъ не слѣдуетъ проводить іезуитской теоріи, по которой допускается мученіе одного, двухъ поколѣній въ надеждѣ на второе, третье поколѣніе; что исторія всегда мститъ за насиліе и мститъ ужасно, — апатіей ко всему, безжизненностію примученныхъ, иногда на многія поколѣнія. На это мнѣ сказали: «движеніе это и зародилось въ самомъ народѣ, и начато самимъ народомъ. Въ самомъ же народѣ развиваются и неправильности, насилія, — вообще борьба, страстность. Изъ среды православныхъ крестьянъ и изъ среды болѣе цѣльныхъ латинянъ выходятъ своего рода апостолы; костельные братчики, нищіе являются орудіями пановъ, ксендзовъ, заводятъ интриги, смуту. Разладъ проникаетъ въ семейства; одни хотятъ быть православными, другіе латинянами, но никто не хочетъ отдѣляться отъ другихъ, и одни хотятъ, чтобы всѣ были православными, другіе — чтобы всѣ оставались латинянами. Мы не можемъ ни остановить, ни двинуть этого дѣла по правиламъ и началамъ нашей интеллигентной жизни. Оставьте насъ руководствоваться нашимъ разумѣніемъ дѣла и судите послѣ». Тутъ разумѣется, уже мнѣ пришлось сильно задуматься, и только одно мое замѣчаніе одинаково озадачивало всѣхъ насъ: «а что, господа, говорилъ я, будетъ послѣ васъ? увѣрены ли вы, что эти обращающіеся въ православіе не будутъ брошены въ пренебреженіе нами же русскими и что они не сдѣлаются жалкою жертвой интригъ пановъ и ксендзовъ, теперь притихшихъ?»

На эти вопросы никто изъ насъ не могъ придумать удовлетворительнаго отвѣта, и событія вскорѣ показали, что такого отвѣта и нельзя было дать. Настали другія времена. Западно-русскіе дѣятели сдвинуты съ своихъ мѣстъ; хорошіе смѣшаны съ дурными, всѣ равно покрыты позоромъ. Все это конечно стало сей часъ же извѣстно въ мѣстахъ, гдѣ происходило обращеніе. Но мало того, что стало это извѣстно; вездѣ стала чувствоваться эта перемѣна. На мѣсто убитыхъ людей явились люди новые. Нужды новообращенныхъ пренебрегались, запускаясь, а латинство расцвѣтало. Во многихъ мѣстахъ стало извѣстно, что начальникъ края, несчастный Потаповъ, потомъ, какъ извѣстно даже изъ газетъ, страдавшій умственнымъ расстройствомъ, мало того, что открыто заявлялъ свое невѣріе въ русскую честность и благородство *), но что онъ съ одной паней молился въ костелѣ и въ костелѣ давалъ ей клятву въ своей вѣрности. Латиняне высоко подняли голову и стали просто глумиться надъ новообращенными, оставленными съ русской стороны безъ всякаго вниманія и помощи. Не угодно ли вамъ, м. г., взглянуть на одну картину, нарисованную намъ людьми, достойными вѣры и уваженія? — Въ одной мѣстности два храма на

*) Это было сказано въ настоятельскихъ комнатахъ вилленскаго св.-духовскаго монастыря въ многочисленномъ собраніи русскихъ людей, по случаю одного церковнаго торжества. Г. Потаповъ тогда же пояснилъ, что, будучи начальникомъ третьяго отдѣленія, онъ хорошо изучилъ эту честность русскую и это благородство. Всѣ присутствовавшіе пришли въ смущеніе и молчали. Но нашелся одинъ человекъ, который далъ г. Потапову удовлетворительный отвѣтъ. Это необыкновенный старецъ — архіепископъ Антоній (Зубко), бывший архипастырь минскій. «Вы, Александръ Львовичъ, сказали сурово Антоній, по дурнымъ исключеніямъ судите обо всѣхъ русскихъ людяхъ!»

весьма близкомъ разстояніи. Одинъ изъ нихъ—новообращенная изъ латинства православная церковь, другой—петрунутый, до нынѣ остающійся, латинскій костелъ. Въ православномъ храмѣ бѣдность, неустройства,—незавидный иконостасъ, недостатокъ сосудовъ, облаченія, книгъ; дьячекъ плохой, пѣвчихъ изъ народнаго училища нѣтъ, священникъ нелюбимый. Въ латинскомъ костелѣ благолѣпіе, торжественность, громогласное народное пѣніе. Латиняне какъ бы нарочно устроили новый, звучный органъ. Латинское пѣніе и латинская музыка заглушаютъ службу въ православной церкви. Выходятъ богомольцы изъ православнаго храма и изъ латинскаго костела,—православные въ смущеніи, уныніи,—латиняне съ торжествомъ, злорадствомъ. Надежныя орудія латинскаго фанатизма костельные братчики, особенно латинскіе нищіе, разсѣваются между православными и усиливаютъ смущеніе, уныніе.

Кидайте послѣ этого камни осужденія въ дѣло обращенія латинянъ къ православію и въ русскихъ людей, принявшихъ въ этомъ участіе! Да, можно кидать, но нужно знать, куда и въ кого слѣдуетъ кидать. Вы, вотъ, такъ огуломъ обвинили всѣхъ этихъ русскихъ людей въ своекорыстіи, алчности, разореніи западнаго края. А знаете ли, что многіе изъ этихъ самыхъ русскихъ людей, огуломъ осужденныхъ вами, убили на русское и православное дѣло въ западной Россіи все свое состояніе, не только благопріобрѣтенное, но и наслѣдственное, и вышли оттуда разоренными, да еще, вдобавокъ, и опозоренными! Не такъ легко нужно судить дѣла и людей западной Россіи!

На этотъ разъ я кончу этимъ немногимъ. Надѣюсь, мнѣ еще придется говорить о томъ же предметѣ, когда мнѣ подошлютъ кой-какіе документы, можетъ быть посильнѣе аргументовъ г. Спасовича.

Примите и проч.

М. Колловичъ.

— Поповоду нынѣшнихъ переговоровъ уполномоченныхъ нашего правительства съ главою римско-католической церкви, „Голосъ“, обсуждая этотъ вопросъ, высказалъ желаніе, чтобы наши уполномоченные и на минуту не забывали того, **чему научила Россію излишняя предупредительность и уступчивость въ отношеніи римской куріи.**

«Римскокатолическая вѣра — писалъ, въ 1804 году, кардиналъ государственный секретарь Консалви кардиналу Капрара—по природѣ своей, должна быть нетерпима». Другими словами: она должна господствовать и повелѣвать надъ другими вѣроисповѣданіями, и потому стремиться къ достиженію этой цѣли. Въ этомъ заключается многовѣковая задача римской куріи. Въ отношеніи Россіи римская курія также оставалась замѣчательно вѣрна той идеѣ.

Сношенія Россіи съ римскою куріей получили положительное значеніе только со времени раздѣленія Польши. Когда, при императрицѣ Екатеринѣ II-й, къ Россіи было присоединено нѣсколько областей Королевства Польскаго, мѣстное польское или ополяченное дворянство принадлежало къ римскокатолической церкви. Огромное большинство населенія присоединенныхъ областей принадлежало частью къ русскому племени и исповѣдывало православную вѣру, частью принадлежало къ уни. Съ этого времени начались постоянныя сношенія Россіи съ римскою куріей и съ этого также времени начались претензіи римскокатолической церкви, совершенно несомнѣстимыя ни съ положеніемъ господствующей православной церкви, ни съ основными условіями нашего государственнаго порядка. Римская курія не только не могла

терпѣть самостоятельнаго существованія униатскаго исповѣданія, но также настаивала, чтобы русское правительство предоставило ей полную свободу въ управленіи римскокатолической церкви въ Россіи. Она требовала полнаго невмѣшательства русскаго правительства во внутреннія дѣла церковнаго управленія; она доказывала, что правительство не имѣетъ никакого права наблюдать за дѣйствіями римскокатолическаго духовенства; она приписывала себѣ право назначать, безъ всякаго содѣйствія русскаго правительства, лицъ на епископскія каѣдры.

Этого мало. Римская курія находила даже возможнымъ оправдывать, вопреки основнымъ законамъ имперіи, тайныя сношенія епископовъ съ коноводами возстаній и смуть; она поддерживала открыто бунтъ противъ русскаго правительства, какъ въ 1830 году, такъ особенно въ 1863 году, когда болѣе пятисотъ католическихъ священниковъ были замѣшаны въ борьбѣ повстанцовъ противъ русскаго правительства.

Само собою разумѣется, что мы не вспоминаемъ объ этихъ грустныхъ фактахъ для того, чтобы раскрывать старыя раны и возбуждать угасшія чувства справедливаго негодованія. Намъ хочется только напомнить тѣ обстоятельства, которыя привели къ открытому разрыву между Россіей и римскою куріей. Необходимо всегда помнить, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать римскокатолическая церковь, она не можетъ отречься отъ своихъ основныхъ принциповъ и не можетъ отказаться отъ желанія господствовать вездѣ и надъ всѣми.

Вѣдь, «со всѣхъ сторонъ міра—заявилъ, въ 1832 году, римскій папа—католики всѣхъ народностей обращаютъ свои взоры на общаго ихъ отца и пастыря, вѣр прибѣгаютъ къ нему съ просьбами о помощи и о защитѣ вѣры. Папа оказался бы виновнымъ, еслибъ презрѣлъ свое апостольское призваніе, оставилъ ихъ безъ вниманія и не послѣшилъ на помощь всѣми, находящимися въ его распоряженіи, средствами». Отсюда папа совершенно послѣдовательно вывелъ заключеніе, что «какъ всякое правительство имѣетъ право устанавливать политическія и гражданскія отношенія въ своемъ государствѣ, такъ все относящееся до католическаго вѣроисповѣданія, по божественному предназначенію, принадлежитъ власти духовной церкви».

Въ этихъ словахъ главы римскокатоличества заключается ключъ къ уразумѣнію неудачнаго исхода всѣхъ бывшихъ между римскою куріей и русскимъ правительствомъ соглашеній. Они не могли имѣть продолжительнаго существованія, потому что дѣйствительное и полное соглашеніе по самымъ важнымъ и спорнымъ вопросамъ совершенно немислимо между русскимъ правительствомъ и римскимъ первосвященникомъ. Въ этомъ положеніи можетъ насъ наилучшимъ образомъ убѣдить исторія конкордата 1847 года, отмѣненнаго указомъ отъ 25 ноября 1866 года.

Цѣль этого перваго письменнаго договора съ римскою куріей заключалась въ предупрежденіи всѣхъ будущихъ недоразумѣній и столкновеній между русскимъ правительствомъ и главою римскокатолической церкви. Въ томъ, что эта цѣль дѣйствительно была достигнута, былъ совершенно убѣжденъ графъ Д. Н. Блудовъ, подписавшій этотъ актъ отъ имени русскаго правительства. Сверхъ того, если имѣть въ виду содержаніе этого соглашения, служащаго неопровержимымъ доказательствомъ духа примиренія русскаго правительства, то нельзя не согласиться, что императоръ Николай I-й рѣшился, небывалою уступчивостью, прекратить навсегда жалобы и претензіи римской куріи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ силу конкордата 1847 года, папская власть имѣетъ право окончательнаго утвержденія епархій въ предѣлахъ имперіи; епископы назначаются по предварительному соглашенію между русскимъ правительствомъ и папою; судъ и управленіе церковными дѣлами каждой епархіи принадлежатъ исключительно епископу, съ единственнымъ ограниченіемъ, чтобъ епископъ «не нарушалъ канонической подчиненности святѣйшему престолу»; даже дѣла спорныя между духовными лицами, касающіяся движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, были исключительно предоставлены суду епископа, который не облаанъ былъ согласовать свои рѣшенія съ заключеніями консисторій. Далѣе, воспитаніе лицъ, приготовляющихся къ духовному званію, было поставлено въ полнѣйшую зависимость отъ епископской власти, которая подчинялась только римской куріи. Между тѣмъ, право надзора русскаго правительства за дѣятельностью епископскаго суда и управленія рѣшительно ничѣмъ не обезпечивалось въ конкордатѣ 1847 года.

Но эти небывалыя уступки, сдѣланныя русскимъ правительствомъ, немедленно вызвали новыя претензіи римской куріи. Весьма скоро послѣ подписанія конкордата, римскій дворъ представилъ русскому правительству еще такого рода требованіе: чтобъ папа имѣлъ право непосредственно и свободно сноситься какъ съ римскокатолическимъ духовенствомъ, такъ и мірянами по дѣламъ совѣсти и вообще по духовнымъ дѣламъ; чтобъ супруги латинскаго исповѣданія, при смѣшанныхъ бракахъ, т. е. когда одна сторона принадлежитъ къ православной церкви, имѣли право не подчиняться въ дѣлахъ брачныхъ юрисдикціи православнаго духовнаго суда, а могли обращаться въ латинскіе духовные суды; чтобъ отмѣнены были законы относительно прозерлитизма римскокатолическаго духовенства и т. д. Наконецъ, римская курія даже не призадумалась требовать, чтобъ измѣнена была присяга императору, потому что «она оскорбляетъ совѣсть католиковъ и не можетъ быть ими исполнена».

Русское правительство простерло свою уступчивость, въ 1848 году, до того, что вступило въ переговоры даже объ этихъ притязаніяхъ римской куріи. Оно сдѣлало даже новыя положительныя уступки, хотя часто имѣло случай убѣдиться, съ какою беззастѣнчивостью римская курія преступаетъ за предѣлы, установленныя конкордатомъ, и съ какою послѣдовательностью она нарушаетъ положительныя постановленія нашего законодательства.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія, правительство рѣшилось идти на встрѣчу римской куріи и сдѣлать ей всевозможныя уступки, но рѣшительный ея отказъ вступить въ переговоры о правѣ римской куріи на посредственныя сношенія съ епископами, объ отмѣнѣ подсудности православныхъ духовныхъ судовъ въ дѣлахъ по смѣшаннымъ бракамъ и объ измѣненіи присяги вызвалъ сильнѣйшее неудовольствіе въ Римѣ, гдѣ успѣли привыкнуть къ уступчивости русскаго правительства. Это ожесточеніе римской куріи обнаруживалось не только въ дѣятельномъ участіи латинскаго духовенства въ польскомъ возстаніи 1863 года, но, равнымъ образомъ, въ постоянныхъ нарушеніяхъ конкордата 1847 года.

Съ 1865 года дипломатическія сношенія съ римскою куріей дѣлались все болѣе натянутыми, и въ мартѣ 1866 года совершенно прекратились. Тогда правительство рѣшилось совершенно отмѣнить конкордатъ 1847 года и поставить римскокатолическую церковь въ Россіи подъ охрану общихъ законовъ имперіи.

— 6 Ноября, студенты церковно-историческаго отдѣленія всѣхъ курсовъ С.-Петербур. дух. Академіи поднесли почтенному юбиляру, Профессору М. О. Кояловичу, адресъ слѣдующаго содержанія:

«Михаилъ Осиповичъ!

Чувство честно исполненнаго долга, — сознание заслугъ, оказанныхъ Вами наукѣ русской исторіи въ теченіи вашей 25-лѣтней ученой дѣятельности, особенно западно-русской церковной исторіи, съ которой Ваше имя слилось навсегда, — сознание того, что въ теченіи этихъ 25 лѣтъ, Вы съ честію держали знамя науки въ нашей общей alma mater, — представленіе цѣлыхъ поколѣній юношей, воспитавшихся подъ Вашимъ надежнымъ руководствомъ, это представленіе, это сладостное сознание, это святое чувство, наполняющее въ настоящій день Вашу душу, вдохновляющее Васъ на дальнѣйшее столь же плодотворное служеніе идеѣ, составляетъ вполне заслуженную Вами награду, вполне заслуженное Вами счастье. Это Ваше счастье, Михаилъ Осиповичъ, — и наша общая радость! Въ настоящій день, когда Вы подвели итогъ цѣлому періоду Вашей жизни, когда предъ Вашимъ мысленнымъ взоромъ предстала вся масса труда, положеннаго Вами на разрѣшеніе вашей жизненной задачи, въ настоящій день мы считаемъ для себя великимъ счастьемъ привѣтствовать Васъ съ такимъ славнымъ завершеніемъ этого періода Вашей трудовой жизни, — считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить Вамъ наполняющія насъ чувства глубокой благодарности за все то добро, которое мы получили и получаемъ отъ Васъ. Часы Вашихъ лекцій по русской исторіи никогда не изгладятся изъ нашей памяти, потому что это — часы вполне производительного потраченнаго для насъ времени. Въ эти часы мы приближались къ пониманію внутренняго смысла прошедшей жизни русскаго народа, которая, при Вашемъ изложеніи, становилась для насъ разумной. Въ эти часы Вы вдохновляли насъ Вашею любовью къ русскому народу, въ прошедшей жизни котораго Вы счастливо подмѣчали много свѣтлыхъ сторонъ, много хорошихъ задатковъ для дальнѣйшаго умственнаго и нравственнаго подъема русскаго народнаго духа для спасенія русской государственности во время самозванческихъ смутъ. Вы вдохновляли насъ Вашею вѣрою въ духовную мощь, въ нравственную силу русскаго народа. Сокровища знаній, сообщаемыхъ Вами, имѣли для насъ двойную цѣну, потому что въ нихъ Вы дѣлились съ нами самыми дорогими своими убѣжденіями, — дѣлились тѣмъ, что было Вами не только всесторонне продумано, но и глубоко прочувствовано, дѣлились тѣмъ, что стало частію Вашего внутренняго существа. Въ этомъ причина Вашего нравственнаго вліянія на Вашихъ слушателей; въ этомъ причина того, почему своею вдохновенною рѣчью Вы жгли наши сердца; въ этомъ, наконецъ, причина того, почему такъ дорого было намъ Ваше живое, увлекательное слово, какимъ оно будетъ, надѣмся, еще много лѣтъ».

Кромѣ того, студенты 1-го курса, теперешніе слушатели М. О., поднесли ему богатый альбомъ съ фотографіями знаменитыхъ историковъ.

(Газ. Россія).

Никита Ивановичъ Горбачевскій (некрологъ).

30-го октября въ нашей кладбищенской церкви, при самой скромной обстановкѣ, происходило отпѣваніе тѣла б. архиваріуса Виленскаго центрального архива, кол. сов. *Никиты Ивановича Горбачевскаго*. Послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, бывшей послѣдствіемъ параличнаго пораженія всего организма, тяжело отозвавшася на умственныхъ

его способностяхъ, Никита Ивановичъ скончался на 71-мъ году своей жизни, съ 27-го на 28-е октября въ 2 часа ночи. Не смотря на то, что у покойнаго, какъ здѣшняго старожила, немало есть знакомыхъ, сослуживцевъ, даже учениковъ,—на погребеніе его, кромѣ самаго тѣснаго кружка родныхъ, изъ постороннихъ лицъ и знакомыхъ его собралось лишь нѣсколько человѣкъ. Печальное обстоятельство это, впрочемъ, по моему мнѣнію, объясняется неравнодушіемъ этихъ лицъ къ памяти покойнаго, а тѣмъ, что извѣстіе о смерти его, изъ уединеннаго мѣста его жилища, распространилось по городу очень поздно и до нѣкоторыхъ дошло лишь случайно. Между тѣмъ, покойный принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, жизнь которыхъ нельзя обойти молчаніемъ.

Уроженецъ Могилевской губерніи, сынъ православнаго священника, Никита Ивановичъ закончилъ свое семинарское образованіе въ Петербургской духовной академіи, въ ту пору, когда преподаваніе тамъ происходило еще на латинскомъ языкѣ. Окончивъ тамъ, въ 1831 году, полный курсъ наукъ со степенью кандидата, обладая въ совершенствѣ знаніемъ латинскаго языка, изучивъ въ тоже время довольно основательно еще два древнихъ языка—еврейскій и греческій, и новѣйшіе—нѣмецкій и французскій, онъ отдалъ первыя молодыя силы свои, знанія и дарованія и всю послѣдующую свою жизнь на высшее служеніе благу ближняго—на воспитаніе юношества въ нашемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Съ перваго начала своего служебнаго поприща и до рокового 1863 года, онъ принадлежалъ къ тому очень тѣсному кружку мѣстныхъ русскихъ православныхъ дѣятелей, которымъ, по его собственнымъ неоднократнымъ разсказамъ, приходилось съ величайшими усиліями и самоотверженіемъ отстаивать въ этомъ краѣ русскія начала. Оставаться всегда устойчивымъ въ тяжелой борьбѣ—это черта, предъ которою, какъ мнѣ кажется, всякъ долженъ остановиться съ почтеніемъ и съ теплымъ участіемъ вспомнить, что въ числѣ такихъ, хотя скромныхъ, но энергичныхъ и честныхъ русскихъ людей, отъ перваго начала своего служебнаго поприща и до послѣднихъ, преклонныхъ дней своей жизни, всегда былъ и оставался покойный Никита Ивановичъ.

Приведу здѣсь краткій перечень служебной его дѣятельности. Будучи въ первый разъ, тотчасъ по окончаніи академическаго курса, въ 1831 году опредѣленъ наставникомъ *) въ Литовскую духовную семинарію, онъ въ теченіи 9-ти лѣтъ постоянно преподавалъ здѣсь русскую словесность и, вмѣстѣ съ тѣмъ промежуточно слѣдующіе предметы: философію, логику, церковное краснорѣчіе, толкованіе священнаго писанія, гражданскую всеобщую и русскую исторію, древніе языки—еврейскій, греческій, латинскій, и новѣйшій нѣмецкій языкъ; состоялъ секретаремъ семинарскаго правленія. Въ 1839 году, по собственному желанію, онъ уволенъ изъ духовнаго званія; вслѣдъ затѣмъ, въ 1840 году, онъ оставилъ и духовную семинарію. Въ томъ же году послѣдовалъ переходъ его на должность старшаго учителя русскаго языка и словесности въ дрогичинское дворянское училище, гдѣ, параллельно съ сими предметами, онъ, въ теченіи года, преподавалъ въ двухъ высшихъ классахъ безвозмездно математику. Въ 1842 году онъ пріѣхалъ въ Вильну и поступилъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ, т. е. русскаго языка и словесности, въ здѣшнее дворянское училище. Оставаясь въ названномъ учрежденіи въ теченіи цѣлыхъ 9-ти лѣтъ,

*) По собственнымъ словамъ покойнаго: онъ былъ *первымъ русскимъ наставникомъ православнаго исповѣданія*, который пріѣхалъ въ сію семинарію *).

*) Раньше его былъ И. Н. Смирновъ изъ Вятки. Ред.

онъ въ тоже время преподавалъ эти предметы въ здѣшнемъ раввинскомъ училищѣ съ 1848 по 1851 годъ, а равнымъ образомъ русскую словесность въ продолженіи одного года въ мѣстной губернской гимназіи. Наконецъ, усиленные двадцатилѣтніе труды его, какъ наставника и воспитателя юношества, труды, сопряженные съ вполне серьезнымъ и честнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, совершенно истощили его физическія и моральныя силы, и онъ принужденъ былъ, по болѣзни, просить отставки, которая и воспослѣдовала въ 1852 году. Однако, недолго ему пришлось отдыхать и возстановлять свои истощенныя силы. Въ началѣ 1853 года, по предложенію главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края Бибикова, онъ снова былъ призванъ къ служебной дѣятельности, а именно на должность архиваріуса вновь учреждаемаго тогда въ г. Вильнѣ, на основаніи высочайшаго указа, воспослѣдовавшаго 2-го апрѣля 1852 года, центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ. Помимо этой должности, въ 1864 году онъ опредѣленъ еще членомъ также вновь учрежденной при томъ же архивѣ особой археографической комиссіи. Въ этихъ должностяхъ онъ оставался до самаго послѣдняго времени, т. е. по срокъ своего увольненія, по болѣзни, 22-го мая минувшаго 1879 года. Особенно заслуживаетъ вниманія начало его дѣятельности, какъ архиваріуса вновь учрежденнаго центрального архива. По дѣламъ канцеляріи архива видно, съ какою энергіею и настойчивостью онъ велъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіи восьми лѣтъ переписку съ 205-тью судебными учреждениями, расположенными въ предѣлахъ четырехъ губерній—Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской, изъ которыхъ подлежали передачѣ древнія актовыя книги въ новый Виленскій центральный архивъ. При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть съ величайшею признательностью о тогдашнемъ главномъ начальникѣ края Бибиковѣ, который своими энергичными дѣйствіями всегда быстро устранялъ всѣ препятствія, которыми, по личному докладу архиваріуса, очень многіе суды всячески старались оттягивать время и замедлить высылку актовыхъ книгъ въ завѣдываемый имъ архивъ.

Относительно же дѣятельности Никиты Ивановича, какъ члена Виленской археографической комиссіи здѣсь, въ частности, необходимо пояснить слѣдующее, что, по собственному увѣренію его, въ дѣлѣ основанія сего важнаго и единственнаго въ настоящее время въ нашемъ городѣ ученаго археографическаго учрежденія и первоначальнаго его направленія, онъ принималъ непосредственное и самое живое участіе. По его словамъ, ему принадлежитъ, наравнѣ съ другими лицами, самая идея объ основаніи въ г. Вильнѣ сего учрежденія; а что касается разработки его устава, указанія матеріаловъ, къ которымъ первоначально новой комиссіи слѣдовало обратиться, то въ этомъ отношеніи покойный являлся, можно сказать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, такъ какъ ему, въ качествѣ архиваріуса Виленскаго центрального архива, вслѣдствіе долговременной практики и опытности, лучше всякаго другаго было извѣстно, что содержится въ семъ архивѣ, т. е. какого свойства документы находятся въ немъ, которые могутъ представлять научный интересъ и поэтому послужить матеріаломъ для настоящихъ и будущихъ изысканій и изданій новой комиссіи; прохожу молчаніемъ уже тотъ фактъ, что въ сей комиссіи онъ былъ и первымъ ея работникомъ, указывавшимъ въ семъ отношеніи и другимъ своимъ сотоварищамъ, какъ людямъ еще малоопытнымъ, какъ самый слѣдъ, по которому надлежало направляться, такъ, и самыя приемы, которыхъ слѣдовало въ семъ дѣлѣ держаться.

Лишь было бы здѣсь указывать на то, что и во всей послѣдующей дѣятельности сей комиссіи, по самое время увольнения его 22 мая 1879 г. отъ должности члена, по неизлѣчимой болѣзни, онъ всегда занималъ въ ней видную роль и пользовался въ ней отъ сотоварищей своихъ полнымъ уваженіемъ въ качествѣ старѣйшаго ея члена, котораго превосходныя познанія въ латинскомъ языкѣ въ особенности приносили ей неоцѣненную пользу.

Думаю, что справедливое отношеніе къ памяти покойнаго требуетъ остановиться здѣсь на томъ, какъ были оцѣнены его дарованія, знанія и труды тамъ, гдѣ протекала его почти 50-ти лѣтняя служебная дѣятельность? Въ отвѣтъ на это достаточно привести здѣсь краткій списокъ тѣхъ наградъ и отличій, которыхъ покойный удостоился въ различныхъ мѣстахъ своего служенія. Такъ „за отлично-усердную службу“ онъ троекратно удостоенъ Высочайшаго награжденія: въ Литовской семинаріи въ 1835 г. золотыми часами, въ Дрогичинскомъ дворянскомъ училищѣ въ 1840 г. полнымъ окладомъ годичнаго содержанія и въ Виленскомъ дворянскомъ училищѣ въ 1845 г. 200-ми рублѣй; за тѣмъ, послѣдовательно, отъ 1847 по 1875 г. отъ получилъ: „знаки отличія безпорочной службы за 15-ти, 20-ти и 40-ка лѣтнюю службу“, и ордена: св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й ст., св. Владиміра 4-й ст., св. Станислава 2-й ст., тогоже св. Станислава 2-й ст. съ императорскою короною и св. Анны 2-й степени.

Но усердіе и дарованія Никиты Ивановича, какъ мы видѣли, вездѣ по достоинству оцѣненныя его начальствомъ, сказались не на одномъ его служебномъ поприщѣ; мы имѣемъ предъ собою доказательства и его ученой дѣятельности. Въ началѣ моей замѣтки было упомянуто, что покойный съ окончаніемъ академическаго курса обладалъ въ совершенствѣ знаніемъ латинскаго языка; здѣсь я хочу добавить, что въ такой же степени онъ любилъ математику и обладалъ математическими знаніями. Плодомъ сихъ знаній и было появленіе въ свѣтъ въ 1867 г. его перваго, почтеннаго, хотя для большинства читателей мало доступнаго по своей исключительной специальности, труда, подъ заглавіемъ: „Краткія таблицы, необходимыя для исторіи хронологіи, вообще для всякаго рода археологическихъ изслѣдованій и въ частности для разбора древнихъ актовъ и грамотъ западнаго края Россіи и Царства Польскаго“; далѣе, болѣе интересенъ, по моему мнѣнію, и болѣе доступенъ читающей публикѣ послѣдующій его трудъ, а именно: „археографическій календарь на двѣ тысячи лѣтъ (325—2324)“, изданный имъ въ 1869 г. (любопытствующіе найдутъ въ этомъ календарѣ весьма важную для практическихъ цѣлей ученую статью, подъ заглавіемъ: „Литовско-польская метрологія, съ переложеніемъ ея на русскую“, т. е. спеціальныя и точныя свѣдѣнія о древнихъ мѣрахъ и монетахъ). Но всего болѣе заслуживаетъ вниманія и похвалы людей, посвящающихъ себя археографическимъ работамъ и изслѣдованіямъ, послѣдній, хотя составленный имъ менѣе, чѣмъ въ годичный срокъ, и въ весьма обширныхъ размѣрахъ, его трудъ, носящій заглавіе: „Словарь древняго актаваго языка сѣверо-западнаго края и царства польскаго“ и изданный въ 1874 г.; Словарь этотъ удостоенъ академіею наукъ уваровской преміи въ 500 руб. Кромѣ этихъ крупныхъ и выдающихся трудовъ, нельзя не отмѣтить и одной весьма интересной статьи покойнаго, напечатанной въ свое время въ «Вѣстникѣ Западной Россіи», а именно „о Виленскомъ центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ“. Мнѣ кажется, не будетъ излишнимъ добавить здѣсь еще,

что математическія знанія Никиты Ивановича составляли какъ бы особую и постоянную потребность его души; они обнаружались не только въ вышеприведенныхъ, почтенныхъ его трудахъ, но съ наглядностью сказались и въ частномъ его кабинетѣ и домашней его обстановкѣ; не упоминаю о нѣкоторыхъ другихъ весьма интересныхъ вещахъ, мнѣ привелось многократно любоваться въ его кабинетѣ замѣчательными стѣнными часами, особой системы маятникъ къ которымъ придуманъ имъ самимъ и представляетъ плодъ такихъ тонкихъ математическихъ его соображеній и исчисленій, что часы сіи, будучи во многомъ другомъ его же созданіемъ, отличаются поразительною и постоянною вѣрностью своего хода. Покойный, къ слову и въ похвалу ему сказать здѣсь, во всю жизнь свою не бралъ въ руки картъ, но часы своего досуга всегда посвящалъ чтенію или на подобныя, полезныя и пріятныя занятія *).

Послѣ этихъ краткихъ указаній на служебную, общественную и ученую дѣятельность б. архиваріуса Никиты Ивановича Горбачевского, нельзя не упомянуть, по моему мнѣнію, и о томъ обстоятельстве, что еще въ первую пору своей служебной дѣятельности онъ уже сталъ многочисленнымъ семьяниномъ. Женившись весьма рано, послѣ 16-ти лѣтъ своего брачнаго сожитія, онъ потерялъ свою подругу жизни, которая оставила ему въ наслѣдство тяжелое бремя—семь малолѣтнихъ дѣтей. Покойный не разъ, не одному мнѣ, говаривалъ, какую горькую чашу, послѣ не весьма продолжительныхъ семейныхъ радостей, привелось ему испить въ заботахъ съ сими малолѣтними, осиротѣвшими дѣтьми.

Послѣдніе дни Никиты Ивановича были утѣшены, съ одной стороны, тѣмъ, что, по ходатайству г-на попечителя Виленскаго учебнаго округа, высочайше была назначена ему пенсія въ 1,000 руб., вмѣсто прежней въ 400; но радость эта, съ другой стороны, немало должна была омрачаться тою грустною мыслью, что изъ вышеупомянутаго числа дѣтей двѣ его совершеннолѣтнія дочери, со смертию его, остаются совершенно необезпеченными матеріально.

Да будетъ миръ праху твоему, достойный и даровитый труженикъ на пользу русскаго дѣла въ нашемъ краѣ!

И. Спроусъ.

*) Достоинно вниманія еще одно важное обстоятельство, а именно, что покойный Никита Ивановичъ, въ бытность свою въ Литовской дух. семинаріи въ Жировицахъ, былъ личнымъ свидѣтелемъ и наблюдателемъ тѣхъ важныхъ историческихъ событій, которыми, по мудрому плану приснопамятнаго, великаго іерарха митрополита Іосифа Сѣмашки приготовлялся переходъ изъ уни въ православіе. Планъ этотъ, по рассказамъ покойнаго, которые мнѣ неоднократно приходилось отъ него слышать, представлялъ путь чрезвычайной его осторожности, умѣренности, любви и довѣрія, съ которыми велось имъ все сіе дѣло. Въ то время, когда люди интеллигентные высокостоящіе въ церковной іерархіи, подготовлялись къ тому великому событію частыми, исполненными-ума, любви и довѣрія собесѣдованіями съ ними высокопреосвященнѣйшаго владыки и архиепископа, отношенія его къ представителямъ низшаго клира были нѣсколько проще, но всегда весьма осторожны. Такъ, напр., если въ извѣстной церкви отъ вѣтхости и другихъ причинъ дѣлался негоденъ органъ и прихожане ея изъявляли желаніе на его возстановленіе, преосвященнѣйшій митрополитъ осторожно отклонялъ это желаніе, приказывая въ тоже время незамѣтно очистить церковь отъ старыхъ его обломковъ; или случится въ другой церкви, что та или другая богослужебная книга придетъ въ ветхость и сдѣлается негодною къ употребленію, на мѣсто ея, безъ шума и толковъ, по распоряженію того же высокопреосвященнѣйшаго владыки, является новая, соотвѣтственная же книга, но уже православнаго, синодальнаго изданія. И т. дал., и т. дал.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„СТРАННИКЪ“
НА 1881 ГОДЪ.

Съ октября текущаго года духовный журналъ «Странникъ» издается подъ новой редакціей, по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и неопубликованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по общей церковной исторіи.

3) Слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.

4) Разказы, очерки, характеристики, повѣсти изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) Бытовые очерки и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное общее обзорѣніе текущей церковно-общественной жизни Россіи.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) Иностранное обзорѣніе: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.

12) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Критическія и библиографическія замѣтки и статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно исторической литературы.

14) Постоянный списокъ русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой.

15) Свѣтскіе журналы, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

16) Разныя отрывочныя извѣстія и мелкія замѣтки, новости, корреспонденціи, отвѣты редакціи.

17) Объявленія.

Основы и задача журнала выяснены въ особой статьѣ «отъ новой редакціи», въ октябрьской книжкѣ «Странника» за текущій годъ.

Журналъ будетъ выходить въ началѣ каждого мѣсяца, книжками до десяти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургъ 6 руб.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургъ (Невскій проспектъ, д. № 105, кварт. № 1), а въ требованіяхъ точно обозначать свое имя, отчество, фамилію и то почтовое мѣсто, губернію и уѣздъ, куда слѣдуетъ высылать журналъ. Наличныхъ нашихъ читателей просимъ при возобновленіи подписки на 1881 годъ прилагать печатный адресъ бандероли, по которому высылается имъ журналъ въ текущемъ году.

Объявленія принимаются для напечатанія въ журналѣ за слѣдующую плату: 5 руб. за объявленіе, занимающее страницу (корпуса въ 38 строкъ), 2 руб. 50 коп. за полстраницы, 1 руб. 50 коп. за 1/4 страницы. Отдѣльныя объявленія рассылаются при журналѣ съ платою по 5 рублей съ каждой тысячей.

Подписка на 1880 годъ продолжается.

Можно присылать требованія и на однѣ послѣднія четыре книги журнала за истекающій годъ, издаваемыя новою редакціей. Подписная цѣна за нихъ 2 рубля.

Всѣхъ желающихъ содѣйствовать новой редакціи доставленіемъ статей, замѣтокъ, матеріаловъ и т. п., просимъ обращаться по тому же, означенному выше, адресу редакціи.

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ.*
А. Пономаревъ.
Е. Прилежайевъ.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ.

Годъ 7-й. **ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА** Годъ 7-й.

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
И РЕМЕСЛЕННАЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

«Газета А. Гатцука» будетъ выходить въ 1881 году по вновь разрѣшенной широкой программѣ, въ томъ же объемѣ 2-хъ, 3-хъ печатныхъ листовъ, по одному, а въ экстренныхъ случаяхъ, по два раза въ недѣлю.

Цѣль «Газеты»—какъ въ томъ, конечно могли убѣдиться въ теченіи 6-ти лѣтъ наши читатели—совсѣмъ иная, чѣмъ иллюстрированныхъ журналовъ вообще. Назначеніе ея—не забава для глазъ и празднои мысли и не такъ называемое «Семейное Чтеніе», подобное «Нивѣ», «Живописн. Обзорѣн.» и т. п.; назначеніе ея—быть дѣйствительною газетою и газетою притомъ для гражданъ бѣловыхъ, которые не могутъ тратить много времени на чтеніе ежедневныхъ газетъ и журналовъ, но которымъ болѣе чѣмъ кому-либо необходимо быть постоянно въ уровень съ токомъ жизни.

Содержаніе «Газеты»: 1) Обзоръ политики внѣшней и внутренней. 2) Дѣйствія правительства. 3) Вѣсти и корреспонденціи. 4) Толки газетъ и журналовъ. 5) Замѣтки редакціи по текущимъ вопросамъ. 6) Судебныя учрежденія и замѣчательные процессы. 7) Земскія учрежденія и сельское хозяйство. 8) Критика и библиографія. 9) Научныя и хозяйственныя замѣтки. 10) Разныя извѣстія. 11) Статьи беллетристическія (повѣсти и разказы, преимущественно историческія, статьи), и статьи научныя. 12) Моды, съ рисунками. 13) Желѣзныя дороги и пароходство. 14) Торговныя свѣдѣнія и объявленія.—Въ особомъ бесплатномъ Прибавленіи помѣщаются переводныя романы и повѣсти, болшею частью иллюстрированныя.

Премія для годовыхъ подписчиковъ: 1) Крестный календарь 1881 года, на веленовой бумагѣ. 2) Особое Прибавленіе—переводныя романы и повѣсти съ рисунками. 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира въ новомъ стихотворномъ переводѣ—выпускъ 2-й. Выпускъ 1-й разсылается подписчикамъ 1880 года въ декабрѣ. Въ отдѣльную продажу это изящное изданіе не будетъ пущено до выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска. Только подписавшіеся на «Газету» могутъ приобрѣтать выпуски предшествующихъ годовъ, внося за каждый изъ нихъ по 1 рублю. Полное изданіе иллюстрированныхъ драмъ Шекспира будетъ стоить около 30 рублей.

Подписная цѣна съ 1 января 1881 года, съ пересылкою на годъ 5 руб., на полгода 2 руб. 75 коп., на 1 мѣсяць 75 коп.

Такъ какъ по разрѣшеніи настоящей программы разосланы были объявленія съ прежней расцѣнкой подписной цѣны то, во избѣжаніе недоразумѣній, до 31 декабря 1880 года пріемъ подписки будетъ производиться по прежней расцѣнкѣ, т. е. съ пересылкою на годъ 4 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ“

НА 1881 ГОДЪ.

На города: 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 40 к., 10 м. 8 р. 70 к., 9 м. 8 р., 8 м. 7 р. 30 к., 7 м. 6 р.

50 к., 6 м. 5 р. 70 к., 5 м. 4 р. 80 к., 4 м. 3 р. 90 к., 3 м. 3 р., 2 м. 2 р., 1 м. 1 р.

Примѣчанія: 1) Для выписывающих газету въ одномъ экземплярѣ никакія разсрочки и никакія уступки противъ обозначенныхъ выше цѣнъ не допускаются.

2) Сроки подписки считаются съ 1-го числа по 1-ое; выписывающіе газету съ середины или желающіе продолжить полученіе до середины мѣсяца, платятъ за неполный мѣсяцъ понумерно, считая каждый № при городской доставкѣ въ 5 к., при иногородной пересылкѣ въ 6 к.

3) Московскіе подписчики, желающіе получать газету въ экземплярахъ запакованныхъ, приплачиваютъ сверхъ показанной цѣны по 10 к. за каждый мѣсяцъ. На основаніи почтовыхъ правилъ, иногородная пересылка въ глухихъ пакетахъ не допускается.

4) Гг. иногородныхъ просятъ не затруднять редакцію присылкою марокъ вмѣсто денегъ; въ крайнемъ случаѣ прилагать марки лишь мелкаго достоинства (не свыше 5 к.).

5) Редакція много облегчена будетъ въ немедленномъ удовлетвореніи поступающихъ къ ней требованій, если тѣ изъ иногородныхъ, которые уже получаютъ „Современныя Извѣстія“, будутъ прилагать при требованіяхъ и свой печатный адресъ.

Пріемъ подписки въ Москвѣ: въ конторѣ „Современныхъ Извѣстій“ на Воздвиженкѣ, въ Ваганьковскомъ переулкѣ, Александровское подворье, рядомъ съ Казенной палатой.

При перемѣнѣ адресовъ:

1) При перемѣнѣ иногороднаго на иногородный уплачивается 30 коп.

2) Отъ подписчика, мѣняющаго адресъ, требуется представленіе прежней подписной квитанціи, исключеніе допускается для гг. иногородныхъ, прилагающихъ требованія о перемѣнѣ адреса по почтѣ.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ

Годъ VIII.   въ 1881 году   Годъ III.

будеть издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ предыдущія семь лѣтъ своего существованія, т. е. будетъ включать въ себя отдѣлы церковный, общественный, политическій и библиографическій, и выходитъ три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По пріѣзду прежнихъ лѣтъ годовымъ подписчикамъ будетъ разослано бесплатное приложение подъ названіемъ „Календарь для духовенства“ на 1881 годъ. Въ составъ его, между прочими полезными и необходимыми для духовенства свѣдѣніями, войдутъ: 1) утвержденныя Св. Синодомъ правила для нравственной оцѣнки учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ; 2) правила о порядкѣ производства содержанія городскому и сельскому духовенству; 3) правила веденія формулярныхъ списковъ священнослужителей; 4) правила, опредѣляющія порядокъ выборовъ въ составъ церковно-приходскихъ попечительствъ; 5) полныя постановленія о бракѣ, 6) подробныя свѣдѣнія по церковно-свѣчому дѣлу, и многія другія.

Условія подписки на будущій годъ, съ доставкою и пересылкою, слѣдующія: въ Россіи—на годъ 7 руб., на полгода 4 рубля.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, въ Троицкомъ переулкѣ, близъ Невскаго проспекта, въ домѣ № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Еженедѣльное изданіе, отъ 2-хъ до 4-хъ печатныхъ листовъ въ номерѣ

и

„христіанское чтеніе“

(Окончаніе).

Въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

14) Изложеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ. Историко-догматическое изслѣдованіе проф. И. Троицкаго. Спб. 1875 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

15) Историческое обозрѣніе священ. книгъ новаго завета. Выпускъ первый. Священника В. Рождественскаго. 1878 г. (263 стр.) Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой.

16) Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію. Соч. проф. Тяжое. Барсова. 1878 г. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

17) Историческіе, критическіе и полемическіе опыты проф. Николая Барсова. 1878 г. (567 стр.) Цѣна 3 р. съ пересылкою.

18) Классификація выводовъ. Проф. М. Каринскаго. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

19) Арсеній Маціевичъ и его доношенія. Проф. Н. Барсова. Цѣна 50 коп., съ перес. 70 коп.

20) Посланія попа Сильвестра къ А. В. Шуйскому-Горбатову. Изд. проф. Н. Барсова. Цѣна 1 р. съ перес.

21) Происхожденіе древне христіанской базилики. Доктора Н. Покровскаго. Цѣна 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Содержаніе № 46.

ПРАВИТ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Указы Св. Синода. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Утвержденіе въ должностяхъ. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Пожертвованія. Некрологъ. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Письмо профессора М. О. Кояловича. Никита Ивановичъ Горбачевскій. Объявленія.

Предыдущій № сданъ на почту 9-го Ноября.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.